

Быть на Витковом севере — это второй край в России. В этот край я вхожу — в маленький деревенский Русиново, отпраздновавший юбилей год назад. Это деревня в двадцати километрах от города Борисоглебска. Там живут художники Виктор Харлов и Вера Ушакова.

Выпускающая Горьковского института изобразительного искусства ученица В. Ушакова отдает предпочтение графику.

В Карлове пишет по-инструментальному мастерская Молодежного института изобразительных искусств на республиканских и всесоюзных выставках, а В. Харлов — ее художником-учеником. И не случайно в 1979 году за картину «Последний звонок» Ф. Русинову и В. Ушакову было присуждено премию Денисова.

Работают уже две группы студентов, находящихся в экспериментальной мастерской на республиканских и всесоюзных выставках, а В. Харлов — ее художником-учеником.

С. РЯБОКОНЬ
Ф. В. ХАРЛОВ, «Ласката Федора». Семейный портрет с сыном и внуком. В. В. УШАКОВА. «Лайза с пальмой». Фото автора.

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

МАСШТАБ ДЕЯНИЯ И МЫСЛИ

Когда смотришь фильм телевизионного жанра «История», уже не представляешь, что начало ты видел всего лишь несколько дней назад. Сама протяженность этого сериала впечатляет жизнью, о несомненно изменившей судьбу. Что ж, биография этого человека хватило бы на несколько жизней. И несмотря на то что герой — это петербургский фольклорист — то деревенских, поморских, то московских, то марбургских, то петербургских — сама история, про которую говорят, вспоминает времена судьбы. В нем отразились времена кратких перемеж в судьбах государства Российской. И поразительное богатство колоритных Ломоносовых занятий — поэзия, химия, кабинетистика, мозаика и так далее, и так дальше — объясняет его с гигантским Ренессансом, проявляется творческое могущество человека, вообще человека, не только изменяя этого. Будущий страны, которую он с таким достоинством изображает, выражено в его личности.

Не нарушил ли при этом данный закон художественности — лаконичность? Пожалуй, да. Но телевизионный стиль напоминает избрать своим визуальным другое выразительное средство — обстоятельство. Несомненные перемены в судьбе, как в старинном романе, удач на неудачи, невероятные на вынужденную, непредвиденную историю, неудачи, вспоминаются в сцене много, очень много, пространства в нем на всех не хватает, и потому рядом актеров и актрис, пышательно выбранных, приходится довольствоваться тем, что в старину называлось живыми картинами — исторический костюм, портретный грим, выразительная поза. Анике Иоанновне, например, несмотря на высокий сан, досталась роль статуэтки и почти безмолвной, и удивленной, как Марине Полищуковой все же удалось оставить след в памяти зрителя. Немного больше места заняла вынужденная поза Петра. Прокопович изображает погонщиков Ломоносова. — С. Саркисиану удалось, пусть скромно, передать в той роли напряженную энергию минувшей эпохи. Роли представлены в сериале, можно сказать, неравнозначными: одни даны показаться в живой картине, другому или другому досталась существенный игровой эпизод. Запомнился Наталья Сайко, драматично смыгравшая Елизавету Петровну, хоть экзекузы, в отданые, свирепые. И многие другие обладатели высоких титулов, громких имен, первые профессиональные поэты России Тредиаковский, Сумароковы вспоминаются временным, известным стал известный историк профессор И. Павленко.

Не отнимает ли просветительский характер сериала долю непосредственности эмоционального воздействия на зрителя? Наверное, отнимает, но восмещает потерю расширением кругозора, тем, что обнаруживает связи прошлого с настоящим, которые часто недомыслили нам. В этом оказывается временная серия на вынужденную позицию, И счет приводит обстоятельство повествования. И счет приводит и потерю уединения.

Режиссер-постановщик Александр Прошкин — это можно также называть режиссером-рассказчиком — избрал особые правила игры, чисто телевизионные. Он открыл винтаж в фильмах элементы просветительства, «скрещивает» игру актера с заинтригованным комментарием в проповеди-записи, исторический документ в собственных психологических догадках. Открытыми всеми флагами историки уединяются в привате с авторской, режиссерской в актерской мыслью о том, каков герой в обстоятельствах личной жизни. Тебе скажут: погорбуй, докажи, что в действительности все было иначе. Правоту или неправоту фильма может подтвердить — или опровергнуть — лишь успех или неуспех смыртного и сюжета. В этом отношении авторы, если не ошибаются, могут быть довольны.

В концовках и сам Михаил Васильевич Ломоносов, истинный антиклиник, объясняет стихами философские идеи, не гнушаясь общеизвестного толкования «своих» изложений, презирая настороженную холдинговую аудиторию. Он рассказывает врату ученичества не для одного себя — для всех. История и сегодня называет его в первую очередь просветителем и не видит в том умозрении его научных и политических заслуг, — а уж сам он не подумал бы им и подобно. В спектакле О. Остенинского и Л. Нехорошему режиссер увидел возможносты просветительства и построил взаимоотношения со зрителем на обнаженных диалогах с ним.

Вот захватывающая реплика рассказчика: «Погребите, представьте себе, марбургский день

Ломоносова». Так предлагается интересная программа воображению зрителя — фильм предполагает его активность. И помогает ее пробуждению тем, что снимает марбургские сцены в реальном Марбурге — вот он, западный город Науки и Познаний, пройди по его улицам, пронесись туда профессоров и студентов. Обаятельный Юрий Ярцев помогает тебе понять право и убеждения математика-философа Христофора Вольфа, синхротитального и добровольческого наставника молодого Ломоносова. Режиссер-рассказчик, он же комментатор, углубляется в прошлое, то уходит в будущее, говорит о том, что он видит его персонажей впереди, — такова структура фильма. Она потребовала античного сотрудничества с группой анатомов, а надеждами ее помощников стал известный историк профессор И. Павленко.

Не отнимает ли просветительский характер сериала долю непосредственности эмоционального воздействия на зрителя? Наверное, отнимает, но восмещает потерю расширением кругозора, тем, что обнаруживает связи прошлого с настоящим, которые часто недомыслили нам. В этом оказывается временная серия на вынужденную позицию, И счет приводит обстоятельство повествования. И счет приводит и потерю уединения.

Авторы и режиссер уделяют немалое место в сериале персонажам второго, третьего плана, их инфобурговских связей с главным героем. Драматургия сериала — в широкомасштабных событиях послепрестольного времени, в не только личной судьбе Ломоносова. Ушла из жизни Петра, но мощная его энергия привнесла движение силы последователей и сопротивления контрагенты — сильнейшие ведьмы, изящные привратники, фанатики староверов, религиозных проповедников.

Фильм проходит отчетливую границу между патротическим служением Отечеству и служением самому себе и своей касте. Известно, как отчаянно боролись Ломоносовы против засилья иностранцев в академии. Фильм рассказывает и об этом, но и о том, как члены Ломоносова подчинили культуру другим народам. Всегда своеобразное напоминание. Страстная преданность Годунине допускает третиронение других наций — его подсказывает дурные эгоцентристические стимулы. И потому в эпизодах, где возникают эти потчи, скажем, в спорах Ломоносова с степняками в Шумахером, с Мидлером, фильм изыскивается со зрителями и ясно и определенно.

Русская царица Анна Иоанновна, племянница Петра, полна презрения ко всему русскому. Ломоносов, училившись в Германии, почтительно своего учителя профессора Христофора Вольфа, испытываясь на немце, страстью предает своему народу. Обстоятельство сериала служит прояснению таких непростых взаимоотношений психологии, нравственности, мировоззрения.

Авторы ведут в круг действующих для зрителей, связанных с Ломоносовым инфернально, и поступали практически — ве в глубине круга решается участь таких людей, как Ломоносов. Драматургия фильма — в борьках на-

циональных, социальных сил, их представляют земляки Михаила Васильевича, придворные «блоки», первые русские интеллигенты.

Не подавлены ли непосредственность, эмоциональность зрительских переживаний учеными комментариями и академическими спорами, не умалены ли силы чувства работы радиума? Пожалуй, нет, скорее наоборот — «просветительство» делает общечеловеческой драматургию века, в котором жили и до мучений, до боли сердечной отставали свою веру и надежду, свое внимание величия России Ломоносов. А там, где были души, и обида, и «благородная упрямка», каждый зрителею напоминает.

Действующих лиц, вернее, персонажей в серии много, очень много, пространства в нем на всех не хватает, и потому рядом актеров и актрис, пышательно выбранных, приходится довольствоваться тем, что в старину называлось живыми картинами — исторический костюм, портретный грим, выразительная поза. Анике Иоанновне, например, несмотря на высокий сан, досталась роль статуэтки и почти безмолвной, и удивленной, как Марине Полищуковой все же удалось оставить след в памяти зрителя. Немного больше места заняла вынужденная поза Петра. Прокопович изображает погонщиков Ломоносова. — С. Саркисиану удалось, пусть скромно, передать в той роли напряженную энергию минувшей эпохи.

Роли представлены в сериале, можно сказать, неравнозначными: одни даны показаться в живой картине, другому или другому досталась существенный игровой эпизод. Запомнился Наталья Сайко, драматично смыгравшая Елизавету Петровну, хоть экзекузы, в отданые, свирепые.

И многие другие обладатели высоких титулов, громких имен, первые профессиональные поэты России Тредиаковский, Сумароковы вспоминаются временным, известным стал известный историк профессор И. Павленко.

Совсем недавно также неожиданно был открыт — тоже не known — А. Болтина, в роли исторического лица. Гинзбург обижена, раздражительность таланта. Не только. Но то и та, дабы, чтобы точнее чувствовать, больше обнажить. И потому актерская интуиция передко убедительнее и музикальных интуиций передко.

Здесь же неизвестный герой — А. Степанов — первым испытывает непреклонную горечь, то упивается счастьем или по-юношески мечтает, надеется на лучшее. Образ героя на составляющих его элементах не разломлен.

Заключительная серия — не поздоровайся национальной инсценировки истории, а человеком, не виноватым в преступлении, в человеческой драме, не требующей пояснений. Теперь и зритель, и обыватель, и наивный в обществе судья, истина, где фальшивь, где видимость, где сущность.

Непросто это феномен — успех актера в роли исторического лица. Гинзбург обижена, раздражительность таланта. Не только. Но то и та, дабы, чтобы точнее чувствовать, больше обнажить. И потому актерская интуиция передко убедительнее и музикальных интуиций передко.

Однажды я видел ее в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Милютин из «Чапаева».

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

Милютин же не ошибся в фильме? Из проницательного театра — позовите себе такое старомодное, но вовсе не обидное, на мой взгляд, выражение. Что ж, оттуда явился однажды Леонид Быков из «Тимирязева»?

ГОД 1941-Й,

НАША МОСКВА

Русская зима вступает в свои права. Ровный, чистый снег лежит на полях... но чужими пыльными следами затоптаны ночные дороги к милой столице. Враг упорно рвется в Москву. Одни из один бьются мы с белой, грозящей всему свету. Все умное и живое, затаянное в холодах, следует за эпизодами беспримерной схватки, потому что здесь решается судьба человеческая: оставаться ему свободным или, утратив все, с арканом на шее пойти в архетипе свирепых фашистских орд.

Москва! На картах мира нет для нас подобного, наполненного таким содержанием слова. Возможно, со временем возникнут города на земле во сто крат многогодней и обширной, но наша Москва не повторится никогда. Москва — громадная летопись, в которой уместилась вся история народа русского. Здесь сорревало наше национальное самосознание. Здесь каждая улица хранила воспоминания о замечательных людях, прославивших землю русскую. Здесь были встречены и разведены во прах многие бедствия, которыми история испытывала монументальную прочность Русского государства. Отсюда народ русский и сопровождавшая большую и многогоднюю семью народов двинулся в светлое свое будущее. Здесь, тотчас после Ленинграда, прогремели залпы Октября, чтобы победным эхом разнеслись дальше по стране. Здесь, запыленный фундамент новой социалистической системы Ленина.

Слишком многое воспоминается у нас о Москве, и потому Родина полна решимости защищать этот драгоценный город. Сюда шелт она свои полки и оружие. На недавнем ноябрьском параде это она аплодировала Сталину, поднимавшемуся на трибуну; это она шагала в ногу со своими героями под звуки оркестров; по утрам, слушая фронтовую складку, это она очищала сердца видные утренние московские улицы... Еще дымятся кое-где мирные дома, разбитые прошлой ночью, еще вдалеке уходят зенитки, провожающие убегающих ночных убийц, а уже геройические московские люди спешат в цеха и учреждения: все подчинено фронту. Всю индустриальную громаду пароходящей Европы национализирует на нас враг, но никогда Гитлер не увидел коленопреклоненной нащупкой Германию от победы: белоголова эта расцеллина сметет!

С каждым днем крепнет ярость нашего народа. Сомнительные по своему значению успехи германского фашизма не привели пока ни к чему. Как и четыре месяца назад — конца войны не видно. Больше того, власть сознания Европой — это все равно, что владеть пороховым погребом, где потуги бегут и тлеют искры. Напрасно враг пытаются трупами своих солдат заставить пропасть, отделяющую гитлеровскую Германию от победы: белоголова эта расцеллина сметет!

Когда слушаешь разговоры советских людей, то не хватает угрозы звучит в них, не смутное упоминание на какую-то счастливую случайность, а прежде всего — вера в свою историческую судьбу. Нам многое еще предстоит поработать в мире, чтобы стал он крае, спасительной и желанной, и первая среди неизвестных всечеловеческих наших задач — содружество с сильнейшими народами мира избавить землю от фашизма.

Народ сравнивал гитлеровское чудовище с лесным зверем, которого рогатиной встречаются быльевые русские богатыри. Известно, что даже когда зевине уже глубоко входило в волнистое изненогающее тело, зверь все еще продолжал свое движение. Он напирал, не чуя боли и сознания чутких, что остановиться даже невозможно — значит рухнуть замертво мордой в снег. И вот уже только отчаянья становятся движущей силой его нападений. В эту решительную минуту — выдернут ли, выдохнут ли русская рука?

Выдержит, выдохнут, товарищи! Пройдут годы. Как мрачный сон планеты скользит в небытие гитлеровский анекдот. Ноные весны обволают своим цветом поклоненные, подавленные танками наши сады. Будущий археолог,копаясь в подгнивших сутанках, отыщет — наряде с полусгнившими от древнейших времен — и множество свежих вражеских костей в черепах, вперемешку со ржавыми остатками железных машин: останки преступников и орудий их преступлений. Черным словом вспомнят люди этих дикарей, возомнивших себя владыками мира, и с благодарностью произнесут имена славных защитников Москвы, которая жила, боролась, трудилась — и не была слана.

Вызывают минуты, которые стоят вечности. В такое время живешь ты, наша Москва!

Леонид ЛЕОНОВ.

25 ноября 1941 г.

Эта статья Леонида Леонова была напечатана в сурохах дни обороны Москвы в газете «Красный флот».

— Эра Георгиевна, многие подчеркивали такие черты его характера, как решительность, требовательность, если хотите, суровость. Верное, так оно и было. И все-таки, какими качествами был отец обладал иск... отец?

— Отец действительно всегда отличался собранностью, дисциплиной. Он терпеть не мог разглаголы и пустозвонов, строго с них спрашивал, если наложил себе немало недоброжелателей. И если он не делал никаких поблажек, то в первую очередь самому себе. Что касается нас, детей, то мы его помним чутким, внимательным, добрым. Он всегда заботился о своей семье, старался быть рядом с родными и близкими в тяжелые для них минуты. Правда, из-за огромной занятости не всегда это ему удавалось. Когда в 1944 году умерла его мать, наша бабушка, Устиния Артемьевна, он даже не смог приехать на ее похороны...

— В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович с нескрываемой теплотой говорит о родителях...

Эра Георгиевна: Доля семьи, в которой родился отец, это долга миллионов крестьянской России с кукой и подневольным трудом. Отец часто вспоминал, как его мать, чтобы прокормить семью, оставила дома малолетних детей, вместе с другими бедняками деревни Стрельково занималась извозом. В испорченную грязь и стужу она возила грузы из Малоярославца, Серпухова... Не каждая женщина поднимает пятышковые мешки с зерном, а бабушка еще и переносила их на приличное расстояние. Отец по мере сил старался облегчить участок родителей, трудались с утра до позднего вечера, особенно летом, когда дел в деревне было много. Шрам, который он получил на семеноске, остался на всю жизнь.

— Сохранился ли дом, в котором родился Георгий Константинович? Как земляки тут называют полководца?

Эра Георгиевна: Начну с того, что районный центр, Угольский Завод, называется сегодня Жуково. К сожалению, дом в Стрельково, где он родился, сгорел еще в тридцатые годы. Второй, поставленный на его месте, сгорел в начале войны фашисты. Моя сестра Элла и я не раз приезжали в Жуково, встречались с людьми, которые знали отца в детстве. Они нам рассказывали, что он всегда был одним из заводчиков в всех компаниях, собирающихся на гуляния в крестьянских избах или на лугу, недалеко от реки Огублины.

Эла Георгиевна: Вспомнила он свое село и в связи с драматическими событиями первых месяцев войны: в десяти километрах от Обнинска, где стоял штаб Резервного фронта, все еще находился его мать, сестра Мария и папа Георгий... К счастью, родные нашего отца не попали в руки фашистов, их успели вывезти национальные приходы захватчиков.

Сегодня в районном краеведческом музее в селе Жуково собраны и бережно хранятся многочисленные экспонаты, связанные с жизнью нашего отца.

— Давайте вспомним Халхин-Гол...

Эра Георгиевна: Стадион на котором отец пробывал в братской Монголии чуть меньше года, но и за это время близко познакомился со страной, ее людьми, часто нам с мамой о них рассказывали. Мы жили тогда в Улан-Баторе, и я даже какое-то время ходила там в школу. В 1979 году в доме, где мы квартировали, в связи с 40-летием победы на Халхин-Голе был открыт музей Г. К. Жукова. В нашем с Эллой поездке в Улан-Батор в 1980 году мы еще раз убедились в том, что имя отца окружено здесь любовью. Нередко родители из сюда приходят своим маленьким сыновьям Жуковы. И таких Жуковых сейчас в Монголии много.

— Георгий Константинович в мемуарах не раз подчеркивал кочевой образ жизни семьи.

Эра Георгиевна: Лицо я проучилась в однажды школах, прежде чем получила аттестат зрелости. Учились мы с Эллой тем не менее хорошо, и обе закончили среднюю школу с серебряными медалями. Наиболее яркие детские воспоминания у меня связаны со Слуцком, куда мы приехали весной 1933 года. На станции была испорченная грязь, и оттуда пришлось взять меня на руки. Мама, Александра Дневна, все время отставала, ибо тем и занималась, что вытаскивала из грязи галоши. Об этом отец даже в своей книге упоминает. Хотя он был уже командиром дивизии, но мы скромно, в деревянном доме, без особых удобств и «призраков». На территории гарнизона вчко было мало: строительство; то жилье для офицеров, то казармы для солдат, то конюшни и подсобные помещения... ведь отец командовал тогда кавалеристами. Мне было шесть лет, и я отчаянно помни, как солдаты катали меня на бричках. Сегодня на дом № 26 по улице Толстого в Слуцке мемориальная доска, которая напоминает о том, первые из нас отца.

— Давайте вспомним Халхин-Гол...

Эра Георгиевна: Помню, по тому же Случищу, что он всегда находил время побывать у своих подчиненных на квартире, посмотреть, как они живут, узнати их нужды, и если надо, то помочь. Так, он, можно сказать, спас жизнь одному своему офицеру, капитану, по фамилии Песочин. Случилось так, что после неудачной операции жизни этого человека оказались в опасности. Для спасения Песочина его спешно привез лучшие врачи Белоруссии, его шофер тем самым и занимался, что привозил и увозил докторов и необходимые лекарства. Вместе с машины отца не раз ездил к больному в госпиталь, навещал его семью.

— Где вы жили накануне Великой Отечественной войны? От кого услышали это странное слово «война»?

Эра Георгиевна: Жили мы в Москве. Как известно, отец был начальником Генерального штаба, дома почевал редко. Вместе со вторыми сыновьями чувствовали, что скоро случится что-то неизправимое. И все-таки само известие о начале войны нас застала врасплох. Были мы с мамой на отцовской даче, в Архангельском. Помню, что в тот день я должна была вместе со своей двоюродной сестрой пойти в Театр оперетты, по-моему, на «Роз-Мари». Однако рано утром на даче раздался телефон-

— Что надо! — спрашивали и ловили его руку. Рука вырывалась из моей ладони. Он весь напрягался, как струна. Вскидывал правую руку, рассекая воздух.

— Огонь! — подает команду, не открывая глаз.

Пытаюсь снова поймать его руку. Он сердито выывает ее. Снова энергичный взмах. Снова команда: «Огонь!» Глаза его плотно зажмурены... Но он видит!

Я смотрю на мою собеседницу. Хрупкая, изящная, как же она справлялась с такой тяжкой работой! Словно подслушав мои мысли, Кадина перевернула несколько страниц диaries.

— Вот тут я записала, как мы с Катей, водителями инфекционной машины (из тогда «квартальных» называли), везли коробки с ампулами донарской крови. Груз надо было срочно из Института переливания крови переправлять на аэродром в Быхове. В пути нас настигла метель.

Снег, точно белое море, волнился надвигался на нас. Разгребая его руками, всплывали добрелись до заднего колеса и ухватились за бампер. Началась утомительная раскачка машины.

Кроме дневниковой записи от той поездки на аэродром в Быхове, сохранилась небольшая акварель: почти по пояс в снегу подталкивает тоненькая девушка зарывшуюся в сугроб машину с красным крестом. Если внимательноглядеть, в боковом стекле можно увидеть силуэт водителя Кати.

— А с Катей вы больше не встречались? — спрашивало Кадина.

— Нет, не довелось... Я даже и фамилии ее не знаю. Зато с Валей Чистяковой нас судьба дважды сводила. Впервые я увидела Валю в конце ноября сорок первого. Это было в районе об

щежития «Тимирязевка», куда мы часто приезжали за ранеными.

— «Ракетный артиллерист».

— «В лесу — на аэродроме».

«Когда сели ужинать, позвонили по телефону Наташа и сказала, что артиллерист уважает в Ташкент. Марширует до Ярославль пешком, и оттуда эшелоном. Завтра в шесть утра сядет в походном порядке. Кто не виноват? — отчиталась. Как мучительно принять решение! Мысли хлородавлили... Никуда и не пойду!» Эти записки сдвинули 16 октября 1941 года двадцатилетнюю студентку Московского архитектурного института Ира Кадину.

Она действительно никуда не поехала. Вместо эвакуации в Узбекистан отправилась в Институт имени Склифосовского, где была тогда центр Московского эвакуированного, предъявлено начальнику военных билет с отметкой «артиллерист запаса и удостоверением об окончании курсов младшего офицера». Просмотрев документы, он снял телефонную трубку и что-то коротко спросил. Получив ответ, обнял: «Считайтесь, что вы приняты на работу! Принята можете завтра».

Завтра... Так значит уж можно приложить к шапке-ушанке эмблему: в белом эмалевом круге красный крест. Путь от Колхозной площади, где размещался центр, до Кузнецкого моста не просто проблема, пролетка. Переодевнувшись в фотографию Сашевса-Павло — знаменитый фотомастер до войны синий киноактер, актер театра, писатель, художник. Никогда бы раньше она не рискнула открыть эту дверь.

Ирида Георгиевна Кадина — профессор Высшего художественно-промышленного училища [б. Строгановское]. В дни войны она была медсестрой Московского эвакуированного. Ее дневник, начатый 1 октября 1941 года, пронюхирована карандашами зарисовками. Время превратило ее в документы истории: они хранятся в Музее обороны Москвы, которая жила, боролась, трудилась — и не была слана.

Леонид ЛЕОНОВ.

25 ноября 1941 г.

Эта статья Леонида Леонова была напечатана в сурохах дни обороны Москвы в газете «Красный флот».

Ирида Георгиевна Кадина — профессор Высшего художественно-промышленного училища [б. Строгановское]. В дни войны она была медсестрой Московского эвакуированного. Ее дневник, начатый 1 октября 1941 года, пронюхирована карандашами зарисовками. Время превратило ее в документы истории: они хранятся в Музее обороны Москвы, которая жила, боролась, трудилась — и не была слана.

Леонид ЛЕОНОВ.

25 ноября 1941 г.

Эта статья Леонида Леонова была напечатана в сурохах дни обороны Москвы в газете «Красный флот».

Ирида Георгиевна Кадина — профессор Высшего художественно-промышленного училища [б. Строгановское]. В дни войны она была медсестрой Московского эвакуированного. Ее дневник, начатый 1 октября 1941 года, пронюхирована карандашами зарисовками. Время превратило ее в документы истории: они хранятся в Музее обороны Москвы, которая жила, боролась, трудилась — и не была слана.

Леонид ЛЕОНОВ.

25 ноября 1941 г.

Эта статья Леонида Леонова была напечатана в сурохах дни обороны Москвы в газете «Красный флот».

Ирида Георгиевна Кадина — профессор Высшего художественно-промышленного училища [б. Строгановское]. В дни войны она была медсестрой Московского эвакуированного. Ее дневник, начатый 1 октября 1941 года, пронюхирована карандашами зарисовками. Время превратило ее в документы истории: они хранятся в Музее обороны Москвы, которая жила, боролась, трудилась — и не была слана.

Леонид ЛЕОНОВ.

25 ноября 1941 г.

Эта статья Леонида Леонова была напечатана в сурохах дни обороны Москвы в газете «Красный флот».

Ирида Георгиевна Кадина — профессор Высшего художественно-промышленного училища [б. Строгановское]. В дни войны она была медсестрой Московского эвакуированного. Ее дневник, начатый 1 октября 1941 года, пронюхирована карандашами зарисовками. Время превратило ее в документы истории: они хранятся в Музее обороны Москвы, которая жила, боролась, трудилась — и не была слана.

Леонид ЛЕОНОВ.

